

Елена Алексеевна Ревуцкая

Минский государственный лингвистический университет, Минск

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД КАК ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

(на материале стихотворения «Краков» (1942)

Марии Павликовской-Ясножевской в переводе Давида Самойлова)

Аннотация. В статье изучается метафорическая концептуализация родного города в стихотворении «Краков» (1942), написанного польской поэтессой межвоенного двадцатилетия М. Павликовской-Ясножевской (1891–1945) и переведенного выдающимся русским поэтом Д. Самойловым (1920–1990). Сопоставление оригинальной концептуальной метафоры с ее русским переводом позволило показать, что индивидуальное восприятие переводчика обогащает оригинальное осмысление Кракова.

Ключевые слова: М. Павликовская-Ясножевская, Д. Самойлов, поэтический перевод, концепт родного города, концептуальная метафора.

Abstract. The article highlights the metaphorical conceptualization of the hometown in 'Kraków' (1942) created by the Polish interwar lyric poet Maria Pawlikowska-Jasnorzewska (1891–1945) and translated by the eminent Russian poet David Samoylov (1920–1990). Opposing the original poem's conceptual metaphor to its Russian translation, the article shows that the translator's individual perception of the poet's native Kraków deepens its original conceptualization.

Keywords: Maria Pawlikowska-Jasnorzewska, David Samoylov, poetry translation, concept of the hometown, conceptual metaphor.

Теоретик перевода Мишель Балляр отмечал множественность переводческой интерпретации – множественность письма, обусловленную уникальностью мировосприятия переводчика [1, с. 18]. Переводчик наравне с автором постигает мир, явленный ему не в воображении, но в тексте-источнике.

В свою очередь, когнитивная парадигма гуманитарного знания помещает в центр внимания не словарное значение слова, но концепт как итог познавательной деятельности человека. Не имея неременной связи со словом, концепт тем самым отличается от значения. По мысли академика Д. С. Лихачева, концепт есть результат соположения словарного значения слова с «индивидуальным и культурным опытом», определяющим «богатство значений слова и богатство концептов этих значений». Ни один словарь не может в полной мере «определить

участие человека в характере значения», тем более, описать содержание концепта [2, с. 151]. Более того, концепты могут получать различное толкование, зависящее «от культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя» [2, с. 153]. Расширяя и обогащая значение, концепт объемлет эмоциональную атмосферу вокруг каждого слова, предоставляя «возможности для сотворчества, домысливания» [2, с. 152]. Богатый культурный, эмоциональный, духовный опыт переводчика, его индивидуальность составляют первооснову для «сотворчества» с автором и переосмысления оригинала.

Давид Самойлов (1920–1990) – выдающийся представитель русской школы поэтического перевода. Нередко можно услышать, что перевод поэзии непременно влечет за собой противостояние двух голосов, двух поэтических манер. По убеждению поэта А. М. Городницкого, Давид Самойлов, будучи «сильным и самобытным русским поэтом», тем не менее, никогда не вступал в «противоборство двух личностей, двух поэтических систем, где побеждает сильнейший» [3, с. 182].

Огромный практический опыт поэта, который «сам перевел строк сто тысяч, а, может быть, и двести», объясняет его ироничный взгляд на науку о переводе – «истинную теорию этого туманного дела» [4, с. 362–363]. В личном письме к Юрию Лотману Самойлов откликается на выступление выдающегося литературоведа: «Переводчики думают, что переводить можно адекватно, точно, верно и т. д. А переводить надо просто хорошо» [Там же, с. 362]. На страницах дневника он запишет: «Стихи непереводимы, переводимы только мысли» [5, с. 62]. Упомянув же однажды о «скучнейшем обсуждении вопросов переводческого искусства», поэт сомневается: «Да и есть ли эти вопросы?» [Там же, с. 347].

При этом Самойлов высоко ценил переводческий труд своих «старших современников»: «Значительная часть поэтического поколения 30-х годов, физически уцелевшая, была надолго загнана в перевод. Эти люди талантом своим способствовали расцвету русской переводческой школы» [6, с. 453]. С особым чувством Самойлов писал о Марии Петровых, огорчавшейся всякий раз, «когда чувство и мысль переводимого автора искажались своеволием переводчика» [Там же, с. 409]. Сам же он был убежден, что в переводе поэтическая индивидуальность раскрывается «в страстном и бережном отношении к тексту» [Там же, с. 409].

Талант перевоплощения и неповторимая музыкальность стиха позволили Самойлову открыть для русского читателя наследие крупнейших славянских и прибалтийских поэтов. Так, самую первую книгу известной серии «Мастера поэтического перевода», основанной московским «Издательством иностранной литературы», составили переводы Самойлова. Отдельное место в его творчестве занимали переводы с польского языка, который поэт хорошо знал¹. Переводческая

---

¹ Переводческой деятельности Д. Самойлова посвящены работы Н. В. Кононовой: Кононова, Н. Д. *С. Самойлов – переводчик славянской поэзии* [Текст] / Н. В. Кононова // *Salīdzinošā*

деятельность Самойлова охватила пять столетий польской поэзии: так, в 2020 году, к 100-летию юбилею поэта вышла антология его переводов более, чем из двадцати поэтов – от жившего в XVI столетии Яна Кохановского до Виславы Шимборской².

Есть в этой книге и переводы из Марии Павликовской-Ясножевской (1891–1945) – выдающейся польской поэтессы межвоенного двадцатилетия, родившейся в Кракове – исторической столице Польше. Краков присутствует в ранних и в самых последних, созданных в эмиграции и опубликованных посмертно стихах поэтессы. Основная часть стихотворений о Кракове была в разные годы переведена на русский язык Натальей Астафьевой, одно – «Краков» – Самойловым. Все они вошли в изданную в 1986 году книгу русских переводов из Павликовской-Ясножевской [7], составив раздел «Стихотворения последних лет» – без даты. Определить год создания стихотворения, переведенного Самойловым, позволяют следующие строки: *I ty, wieńcu kasztanów, kwitnących niezłomnie / W trzeciej już wiosnie?* [8] – ‘Венец каштанов, **вас увижу ль не во сне,** / Как в эти три весны?’ [7, с. 129].

В сентябре 1939 года поэтесса с мужем, военным летчиком Стефаном Ясножевским, уехала из Польши во Францию, затем – в Англию. Следовательно, весна 1942 года и была третьей весной на чужбине. В оригинальном фрагменте каштаны уподоблены близким людям лирической героини. Их воля не сломлена: *kwitnących niezłomnie w trzeciej już wiosnie* ‘неизменно цветущих уже третью весну’ (здесь и далее подстрочный перевод наш – Е.Р.). Вопреки законам природы, они цветут третью весну подряд, поддерживая героиню в ее надежде вернуться в родной город. В переводе же центральной фигурой становится не венец каштанов, но сама героиня как субъект познания мира, распавшегося на две части – мир сна, в котором неизменно цветут каштаны, и мир яви, в котором война отрезала ее от Родины. Переосмысляя субъектно-объектные отношения, Самойлов наделяет лирическую героиню большей самостоятельностью в ее стремлении вновь увидеть родной город, в который поэтесса, умершей в 1945 году в Манчестере, не суждено было вернуться.

Перевод «одушевляет» Краков в той же мере, что оригинал. Поэтесса спрашивает у Ворот Святого Флориана: *Kiedyż mnie znów przepuścisz... ?* ‘Когда меня вновьпустишь?’. Самойлов – еще более настойчив (‘Прими меня опять...’). На этот раз упрямство, упорство города в его нежелании оставлять героиню стихотворения подчеркивает перевод (‘стоящая упрямо’), в то время как оригинал, наоборот, передает взгляд героини, узнающей черницу (*z tercjarką odwiecznie tą samą*): **Kiedyż**

---

literatūrinātne Austrumeiropā un pasaulē. Teorijas un interpretācijas. – Rīga: Pētergailis, 2001. – С. 179–187. Кононова, Н. *Переводческая деятельность Давида Самойлова* [Текст] / Н. В. Кононова // Русский язык в культурной столице Европы – 2010. Материалы международной научной конференции (г. Печ, Венгрия). – Печ: Печский университет, 2011. – С. 79–86.

² Алтарь. Польская поэзия в переводах Давида Самойлова [Текст] / Предисл. и комм. Г. Ефремова. – Вильнюс, 2020.

mnie znów przepuścisz, Floryjańska Bramo, / Cała w świecach, z tercjarką odwiecznie tą samą [8] – ‘Прими меня опять, о Флорианска Брама, / С черницей, вся в свечах, стоящая упрямо’ [7, с. 129].

Следующим «собеседником» лирической героини становится курган Костюшко. Перевод Самойлова, осмысляющего курган как «наш», «родной», помогает прочесть творческий замысел поэтессы, желавшей передать «родство» лирической героини и города: *I kiedyż mi powrócisz i staniesz przed oknem / Kopcu Kościuszki / Zewsząd widna krakowska Fudżijamo?* [8] – ‘Когда ж вернешься ты и станешь за окном, / Курган Костюшки, / Родная краковская наша Фудзияма?’ [7, с. 129].

Курган – символическая могила Тадеуша Костюшко – уподоблен Фудзияме – самому большому вулкану Японии. Образы японского мира занимали важное место в поэтическом воображении Павликовской-Ясножевской [7, с. 10], но ассоциативная связь с самой высокой горой Японии основана не только на физическом подобии, но прежде всего на недостижимости места, которое еще недавно находилось в нескольких сотнях шагов от дома. Курган Костюшко так близок, что виден из окна, и в то же время столь же далек, сколь японский вулкан – место поклонения и паломничества.

Флорианские Ворота и Вавельский замок – места ностальгии в поэтическом сознании Павликовской-Ясножевской, но также символы Кракова в воображении Самойлова-поэта. В «Поденных записях» можно прочесть строки, датированные 17 декабря 1963 года: «В 7 утра нас разбудил проводник. Вагон стоял на путях. Пешком мы вошли в Краков. Серый рассвет, графика заснеженных деревьев. Все это создало особое настроение, которое важнее для искусства, чем прочие впечатления. Днем ходили по Вавельскому замку. Это ренессансное строение под снегом кажется странным и прекрасным» [5, с. 346]. Впечатление поэта-переводчика лежит в основе созданного им образа: персонифицируя замок, Самойлов называет его ‘сказочным’. Родившаяся в Кракове Павликовская-Ясножевская обращается к замку как к близкому другу, называя его *legendo moja* ‘своей легендой’. Для Самойлова же волшебство – свойство, имманентно присущее Вавелю: *Zamku, legendo moja czy pamiętasz o mnie?* [8] – ‘А Замок сказочный, ты помнишь обо мне?’ [7, с. 129].

Воспоминания лирической героини складываются в переводе Самойлова в цельную картину памяти: *Serce, ach, jakież rachunek / Płacić musisz ty dzisiaj za tych kilka wspomnień ...* [8] – ‘Какой тяжелой платой / Дается память о родимой стороне!’ [7, с. 129].

Итак, в переводе Давида Самойлова концептуальная модель «город – это человек» наполняется новыми смыслами. Персонифицируя Краков, Мария Павликовская-Ясножевская видит город своим близким другом. Самойлов же развивает поэтическое осмысление Кракова: настойчиво призывая «принять его вновь»,

он представляет город как человека, родного лирической героине. Обретая отчетливые контуры 'нашей', 'родной', 'родимой' стороны, образ города обогащается видением русского поэта-переводчика, воплотившего не только облик Кракова, но и его место в картине мира польской поэтессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ballard, M. L'unité de traduction, revue et corrigée [Text] / M. Ballard // Вестник ИГЛУ. Серия: Филология. – 2008. – № 4 (4). – С. 17–22.
2. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 280–287.
3. Городницкий, А. Давид Самойлов [Текст] / А. Городницкий // Нева. – 1991. – № 1. – С. 179–189.
4. Кононова, Н. В. Неопубликованные письма Давида Самойлова к Юрию Лотману и Заре Минц [Текст] / Н. В. Кононова // Славянские чтения X. – Даугавпилс: Академ. изд-во Даугавпилсского ун-та «Сауле», 2014. – С. 356–367.
5. Самойлов, Д. С. Поденные записи [Текст]: в 2 т. Т. 1 / Д. С. Самойлов. – М.: Время, 2002. – 416 с.
6. Самойлов, Д. С. Памятные записки [Текст] / Д. С. Самойлов. – М.: Время, 2014. – 704 с.
7. Павликовская-Ясножевская, М. Стихи [Текст] / М. Павликовская-Ясножевская: пер. с пол. / Сост. и предисл. В. Британишского. – М.: Художественная литература, 1987. – 144 с.
8. Pawlikowska-Jasnorzewska, M. Kraków [Electronic resource]. – Mode of access: <https://literatura.wywrota.pl/wiersz-klasyka/39656-maria-pawlikowska-jasnorzewska-krakow.html>. – Date of access: 02.02.2022.